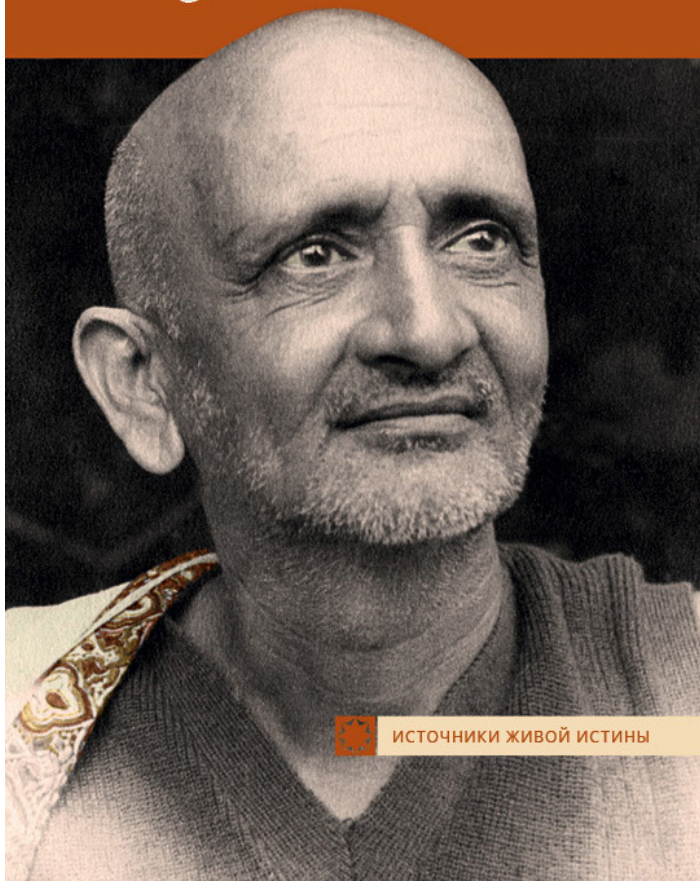

ПАПА РАМДАС

В видении БОГА

ИСТОЧНИКИ ЖИВОЙ ИСТИНЫ

Папа Рамдас

В видении Бога

Серия «Источники живой истины»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29938353
В видении Бога: Ганга; Москва; 2017
ISBN 978-5-9500596-7-4

Аннотация

Папа Рамдас из Канангада (1884–1963) – духовный учитель Кришнабаи и Йоги Рамсураткумара – один из самых замечательных и обаятельных святых Индии, в ашраме которого и поныне множество людей из всех уголков мира черпают любовь, счастье и радость. Святые редко пишут о своем духовном пути. Эта книга, написанная легко и увлекательно, – одно из редких свидетельств настоящего святого. Она продолжает автобиографию Папы Рамдаса, первые семь глав которой вошли в ранее изданную книгу «По пути с Богом». В ней описаны паломничества по святым местам Индии, встречи с необычными людьми и этапы духовного восхождения.

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1[1]. Хубли	10
Сердце матери	10
Есть ли Бог?	17
Ага, у вас поехала крыша!	21
Глава 2. Агастьяшрам – Мангалор – Эрнаулам	25
Десятидневный пост	25
Огнеупорный кирпич!	31
Все делает Бог	34
Глава 3. Калади – Казарагод – на пароходе	39
Место рождения Шри Шанкарачарьи	39
Неприкасаемость – позорное пятно	43
Полицейский Гоа покорен	48
Глава 4. Анджангаум – Ангар	51
Откровенный бунтарь	51
Удивительное преображение	56
Глава 5. Упалаи – Пандарпур – в поезде	59
Изгнание демона	59
Бог – это Любовь в нашем сердце	63
Высшая цель жизни	66
Глава 6. Бангалор – Бомбей	69
Садху-чародей	69
Удивительная лила	74

Свами Рамдас

В видении Бога

Swami Ramdas

In the Vision of God

© Anandashram, Kanhangad, Kerala, India, text

© Кирпичникова О.В. Перевод

© ООО ИД «Ганга». Составление, оформление, 2017

Вместо предисловия

Махатма Рамдас удостоил меня великой чести, попросив написать краткое предисловие к этой книге, «В видении Бога», где он описывает свои дальнейшие странствия.

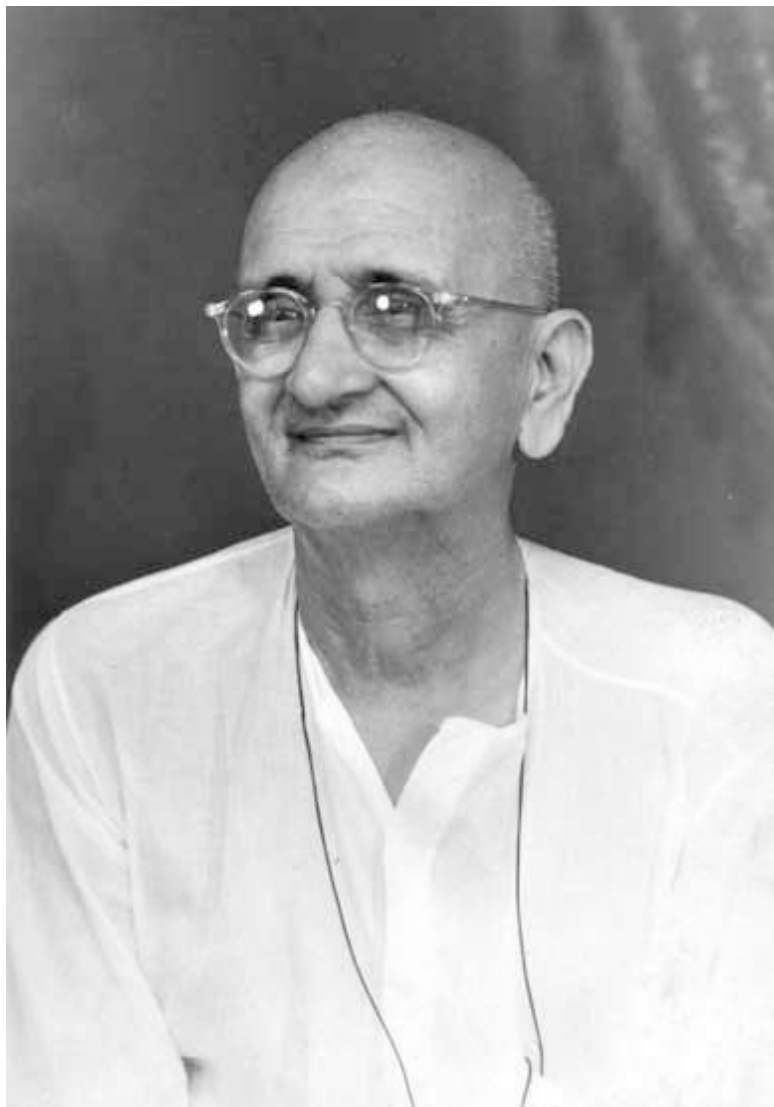
Я узнал о Рамдасе, прочитав его первую книгу «По пути с Богом», но только год спустя, в октябре 1926-го, мне посчастливилось впервые увидеть его и с тех пор пребывать в его обществе так часто, насколько позволяли его многочисленные путешествия (в том числе описанные в этой книге) и мои мирские дела. Каждый раз, находясь рядом с ним, я чувствовал, что это приносит мне несравненно большую пользу, чем месяцы, проведенные в Кембридже. Книги могут снабдить рядом сведений, общение со знаменитыми профессорами может вселить энтузиазм и интерес к научным изысканиям, но ни то ни другое не раскроет секрета той пленительной блаженной улыбки, что озаряет лицо махатмы Рамдаса, – беспечной улыбки Божьего дитяти, доверчиво отдавшего себя на Его волю.

Читатели «По пути с Богом» увидят, как с самого начала его пути на каждом шагу сбывалось обещание Кришны: «Я лично забочусь, чтобы те, кто поклоняется Мне одному и думает лишь обо Мне, ни в чем не испытывали нужды» (Бхагавадгита¹ 9–22). Такими эпизодами изобилует и эта книга, и

мне бы хотелось привлечь особое внимание читателя к тому, с какой живой наглядностью убедился Рамчарандас в могущественной силе этой великой шлоки.

Но жизнью и мыслью Рамдаса в равной мере управляла и другая прославленная шлока Гиты: «Оставив все обязанности, ищи у одного Меня прибежища, я освобожу тебя от всех грехов, не скорби» (18–66), а также великое изречение Упанишад: «Поистине, все это – *Брахман*²».

Бывало, к Свами Рамдасу приходили люди, желавшие продемонстрировать свое умственное превосходство, почерпнутое из книг, и, к всеобщему удовольствию, Рамдас говорил им: «О Рам, этот дас (слуга) не знает ничего, кроме того, чему Ты решил научить его. Теперь в своей лиле (игре) Ты пришел к нему, притворившись невеждой, словно хочешь проверить, хорошо ли усвоил Рамдас Твой урок». Конечно, эти слова – не строгая цитата, но они передают настрой Рамдаса при встрече с «образованным» человеком, явившимся ради дискуссии. Но если человек приходил к нему со смирением в сердце, с жаждой знания, он получал блестящие советы насчет пути, ведущего к стопам Всевышнего.

Пусть все больше и больше людей проникнутся божественным духом, соприкоснувшись с Рамдасом: такова искренняя молитва этого смиренного почитателя.

С. Р. У. Савур, доктор наук, выпускник Кембриджа

Глава 1¹. Хубли

Сердце матери

Рамдас снова пустился в одинокое пешее странствие. Он шагал и шагал через поля, луга и леса. Его горестные воспоминания о происшествии в *аннакиштре* Пандарпура улеглись после недели *самсангов*² с деревенскими почитателями. Это была таинственная работа Провидения: нет сомнения, что Всевышний – самый искусный врачеватель душевных мук. Часть дороги пролежала через возвышенность, сплошь покрытую густым кустарником. Когда Рамдас пробирался по этой глуши, ему вдруг захотелось покурить. Случалось, он курил табак, но никогда не носил его с собой. Но разве достанешь курево в этих диких лесах, в безлюдной пустоши, где не видно и следа человека? Однако для Всевышнего нет ничего невозможного.

Неожиданно из-за кустов вышел человек и направился прямо к нему. Первое, что увидел Рамдас, посмотрев на него, была биди, деревенская самокрутка, заложенная за ухо.

¹ Эта книга – непосредственное продолжение повествования «В видении Бога», первые 7 глав которого вошли в книгу Папы Рамдаса «По пути с Богом». Эта глава соответствует главе 8 английского оригинала. – *Прим. ред.*

² *Самсанг* – святое общение, беседы на духовные темы.

Незнакомец молча вынул биди из-за уха и протянул ее Рамдасу. При этом он не прикоснулся к Рамдасу, а просто бросил самокрутку ему на ладони, после чего достал из кармана два гладких черных камушка, кусочек хлопка-сырца и, энергично потерев камни друг о друга, высек искру огня и поджег хлопок. На листе он передал горящую вату Рамдасу, тот прикурил биди и затянулся. Все это заняло несколько секунд, и до разговоров дело не дошло. Им оказалось по пути, но незнакомец держался от Рамдаса на почтительном расстоянии.

– Брат, почему ты сторонись Рамдаса и идешь так далеко от него? – нарушил молчание Рамдас.

– О, господин, – ответил попутчик, – я ведь из париев³. Как я могу идти рядом с вами и прикасаться к священной особе?

Не дослушав до конца, Рамдас ринулся к парии и, обхватив его за плечи, крепко прижал к груди:

– Нет, нет, ты не неприкасаемый! Ты сам Господь Витхоба! Разве ты не тот *дхед* (*пария*), кто бросился на выручку

³ Парии («неприкасаемые») – находящиеся за пределами каст и общества. Чаще нищие или очень бедные люди, занятые самыми грязными работами (уборкой мертвых животных с улиц и полей, туалетов, выделкой кож, чисткой канализации, черной работой в шахтах, на стройках и т. п., мусорщики, прачки). До официальной отмены кастовых ограничений «неприкасаемым» запрещалось посещать дома «чистых» каст и брать воду из их колодцев, наступать на их тени, подходить к ним ближе установленного числа шагов, посещать большинство индуистских храмов.

Дамаджи Панту, знаменитому святому Мангалведхи⁴?

Тот понимающе засмеялся и пересказал известную историю.

– Ну, раз так, куда же вы идете, господин? – спросил он.

– Ему неизвестно, куда, – откликнулся Рамдас.

– Мили через две будет маленькая деревня на берегу реки Бхимы. Ступайте туда. Там есть только одна лавка, просто встаньте около нее, и Господь обо всем позаботится. Я провожу вас до окраины деревни, а оттуда пойду дальше своей дорогой.

Рамдас дал молчаливое согласие. Больше они не разговаривали, и он впал в блаженную прострацию. Впереди замаячила деревня. Когда до первых хижин оставалось не больше пятидесяти ярдов, он оглянулся на своего странного попутчика, но дорога была пуста. Так называемый пария испарился.

Солнце стояло прямо над головой. Следуя полученному совету, Рамдас встал у входа в единственный магазинчик. Покупателей обслуживала женщина невероятной толщины, ей помогал молодой человек. Она увидела Рамдаса, и ее материнское сердце открылось сыну, одинокому бродяге. От-

⁴ История восходит к II тыс. до н. э. Дамаджи Пантх был хранителем кладовых могольского султана в Махаращтре и во время жестокого голода раздал зерно бедным брахманам. Султан собирался бросить его в тюрьму, но бог Виттал под видом «слуги» Дамаджи явился к султану с мешком денег, якобы вырученных за зерно, и спас Дамаджи, который стал прославленным святым, поющим хвалу Витталу.

махнувшись от покупателей, толпившихся у прилавка, она стала выразительными жестами подзывать его к себе.

– Сынок, сынок, – сказала она молодому человеку, – дай-ка быстрее этому *садху* что-нибудь поесть.

Тут же в подол одежды, выставленной Рамдасом, посыпался обильный дождь из воздушного риса, кусков пальмового сахара, фиников и прочей снеди. Упитанная матушка вскочила со своего сиденья и потребовала, чтобы ей дали одеяло. С этим одеялом в руках она перебралась через дорогу – так быстро, как позволяло ее большое тело, где прямо напротив магазина стоял храм Махадева. Расстелив одеяло на полу, она пригласила его сесть. Он послушно разместился на одеяле. Она также захватила с собой *лоту* с питьевой водой.

Потом она уселась перед ним скрестив ноги и стала нежно упрашивать отведать угощений. К этому времени вокруг них скопилась стайка местных мальчишек. Он раздал им большую часть лакомств и, немножко попробовав сам, запил их водой.

– *Садхуджи*, – сказала матушка, – здесь рядышком река Бхима. Пойдите искупайтесь, а я пока приготавливаю вам еды. Мой дом неподалеку. Мы пойдем туда, или я принесу обед в храм.

Рамдас поднялся и отправился к реке, где выстирал одежду и вымылся. Вернувшись к храму, он обнаружил, что матушка ждет его.

– Пойдемте, *садхуджи*, – позвала она, – я отведу вас домой.

Он последовал за ней. Стоял палящий зной, и земля раскалилась. Рамдас шагал босиком и с непокрытой головой. Примерно на полпути матушка спохватилась, и ее мягкое сердце сжалось от угрызений совести.

– Какое я бездушное создание! – воскликнула она. – И зачем только я потащила вас по этому солнцепеку! Мне нужно было принести еду в храм. У вас же нет сандалий. Земля накалена, как горящая печка. Дура я, дура и есть!

Она сама, конечно же, была обута в кожаные сандалии, что усугубляло остроту ее раскаяния.

– Ничего страшного, матушка, – утешил ее Рамдас. – Твой сын привык к жаре.

– Ну тогда давайте пойдем быстрее, – поторопила она Рамдаса. – Осталось совсем немного.

Она заспешила вперед, и при каждом шаге ее объемистое тело колыхалось из стороны в сторону. Они подошли к дверям дома, но, к ее величайшему смятению, он оказался заперт: ее невестка ушла к соседям, забрав с собою ключи. Судя по всему, быстрого возвращения не предвиделось, и Рамдас вынужден был стоять на самом солнцепеке.

– Лакшми, Лакшми! – громко позвала матушка и, борясь с одышкой, сокрушенно добавила: – Что я могу поделать? Теперь вам придется стоять босиком на этом раскаленном песке!

Но выход был найден. Она подняла Рамдаса с земли, как солдатику, – он был для нее словно перышко – и поставила, придерживая руками, на нижнюю планку дверного косяка. При этом она продолжала громогласно звать Лакшми, пока та наконец не прибежала от соседей. Матушка не удержалась, чтобы не выплеснуть на невестку все, что накипело в ее душе. Порция, надо признать, была изрядной!

Дома она усадила Рамдаса на широкую гладкую доску. По ее приказу Лакшми поставила перед ним тарелку с едой – двумя толстыми роти и гороховым карри. Он начал есть. Роти оказались очень черствыми и не крошились в пальцах. Все же он умудрился немного измельчить их и смешать с да-лом, а потом отправил в рот кусок роти с горохом и попытался проглотить. Тут, конечно, нелишне отметить, что к тому времени у него осталось не больше трех-четырех зубов, поэтому о жевании не могло быть и речи. Он заглатывал куски роти, пока наконец один, довольно большой, не застрял у него в горле. Он поперхнулся и попытался протолкнуть его внутрь кашлем. Матушка следила за его тяжелыми усилиями, и тут ее осенило.

– Проклятия на мою голову! – вскричала она. – А ты что, Лакшми, тоже слепая? *Садху* беззубый, а ты дала ему черствые холодные роти. Как он может есть их? Ты видишь? Он подавился. О Господи Боже! Лакшми, у тебя вообще нет сердца. Ты даже не дала ему воды, чтобы запить. А ну живо принеси воды! Смотри, он стал весь красный, он задыхается!

В ту же секунду у него в руках оказался стакан воды и он сделал глоток. Кусок роти проскользнул в горло. Матушка прыгнула к нему и схватила тарелку с едой.

– От этого вам проку не будет, – забрав тарелку, сказала она. – Лакшми, – велела она невестке, – быстро приготовь свежие роти. Сделай их мягкими. Давай, давай, шевелись!

Пока Лакшми была занята делом, матушка подоила буйволицу, стоящую во внутреннем дворе дома. За пару минут она подогрела молоко. Умелые ручки Лакшми уже состряпали мягкие роти. Матушка раскрошила их в плошку с горячим молоком. Это «детское» питание было поставлено перед Рамдасом.

– *Садхуджи*, – воззвала к нему матушка, – прошу, простите меня. Я ведь просто глупая и никчемная женщина, не обижайтесь на меня. Эта еда подходит вам, пожалуйста, отдайте ей должное.

После обеда матушка проводила его до храма и, попрощавшись с ним, вернулась домой. Таково было сердце этой матери! Он немедленно тронулся в путь и шагал до заката, пока ему не встретилась придорожная деревня.

Есть ли Бог?

Так путешествовал он от деревни к деревне. Состояние его ног опять ухудшилось из-за непрерывной ходьбы. Он приближался к городу Биджапуру. Выйдя из очередной деревни днем, он прошел около трех миль, и примерно в начале четвертого ему повстречались несколько человек. Поравнявшись с ним, они окликнули его и спросили, куда он идет. Он, естественно, ответил, что движется в сторону Биджапура. Кто-то из них сказал, что до города еще двадцать миль и он не успеет дойти туда до ночи, а по пути нет ни одной деревни, где он мог бы остановиться. В темноте он рискует потерять дорогу и заблудиться в джунглях. Он предложил Рамдасу возобновить путь утром и доставить ему радость, проведя ночь в его доме.

Рам повсюду заботится о своем ребенке!

Рамдас повернул назад и дошел вместе с этими добрыми друзьями до их деревни, где остался до утра. Еще затемно, задолго до рассвета он вновь пустился в путь и до полудня одолел почти десять миль. Слева от дороги простирались возделанные поля, посреди которых виднелся колодец, из которого, с помощью пикотаха⁵, поступала вода для оро-

⁵ Пикотак – система механических рычагов, с помощью которых вода поднимается из пруда или колодца и подается в оросительные каналы на полях – вручную или тягловой силой буйволов.

шения. Фермер трудился в поле, погоняя четырех буйволов. Рамдас подошел к колодцу, чтобы напиться: для этого ему пришлось спуститься к воде. Когда он выбрался наверх, хозяин буйволов подозвал Рамдаса и усадил его в прохладной тени большого дерева у края колодца. Рамдас немного покурил его чилам с табаком.

– Знаете, у меня к вам вопрос, – сказал фермер. – Уверены ли вы в том, что Бог существует? У меня по этому поводу серьезные сомнения.

– Для тех, кто верит, Бог есть, для тех, кто не верит, Его нет, – ответил Рамдас.

– Послушайте про мою жизнь, – продолжал фермер. – Вы видите, я крестьянин. У меня семья из шести человек – жена, три взрослые дочери, сын и невестка. Мы сами возделываем эту землю. Все члены семьи трудятся в поле с утра до вечера. Я часами погоняю этих четырех буйволов, обеспечивая поливку. Мы все работаем без усталости круглый год. И – можете удивляться – при всем при том у нас не хватает средств даже на самое необходимое.

Три девушки тем временем обступили Рамдаса.

– Посмотрите на них, махарадж, – сказал фермер с горечью, – они ходят в обносках. Вы говорите, что Бог есть. Если это так, то Он, по мне, очень жесток. А если Он жесток, значит, Он не Бог.

– Для Рамдаса Бог – это не предмет веры или рассуждений, – пустился в объяснения Рамдас. – Он для него – дан-

ность. Несмотря на рассказ о твоих тяготах, Рамдас может заверить тебя, что Бог есть, и Он весь – любовь и доброта. Мы не вправе судить о Его существовании по тому, наделила ли нас судьба материальным достатком или нет. Все страдания и беды, выпадающие нам на долю, необходимы для нашего духовного роста. Во имя Бога принцы отрекались от царств в обмен на лохмотья и нищенскую суму. Кто-то может купаться в роскоши, но если он недоволен тем, что имеет, жизнь для него – сплошное несчастье. Бедняк, довольный жизнью в своей лачуге, гораздо счастливее монарха, томящегося от скуки в своем дворце. Довольство жизнью – Божий дар, и заслужить его можно верой и подчинением Ему. Бог никогда не желает нам зла. Недостаток веры в Его благоволение – причина всех наших несчастий. Ты говоришь, что судьба безжалостна к тебе и условия твоей жизни невыносимы. Но они покажутся сущим пустяком, если ты правильно оценишь их и таким образом поймешь, в чем настоящая цель жизни. Поверь, Бог не для тех, кто ропщет и ворчит. Брат, не поддавайся отчаянию. Покорись Его воле, и все уладится.

Крестьянин молча выслушал Рамдаса, и его глаза наполнились слезами.

Тем временем мысль Рамдаса заработала: отчего бедствует этот фермер? Разумеется, причина всех наших невзгод – собственные действия, или карма. С помощью каких внешних рычагов в данном случае работает карма? Очевидно, что внешние причины плачевного положения крестьянина – зе-

мельный агент и ростовщик. Бездушная эксплуатация торговца, с одной стороны, и жадность ростовщика – с другой, без сомнения, сломили этого трудягу. Традиция, требующая больших денежных расходов на церемонии и праздники, держит его в черном теле. Вдобавок ко всему – капризы погоды, нашествия засухи и т. д. плюс непомерно большие налоги.

К середине дня он оказался в деревне, где нашел пруд в древесной роще и искупался в нем. В соседней деревне он добыл свою *бхикишу*. Отдохнув в тени с часок, он двинулся дальше. До Биджапура теперь оставалось всего шесть километров, и уже к пяти часам он вошел в город.

Он направился в дом Шанкарлала Озы, доброго друга-торговца, чей гостеприимный кров приютил его, когда он был в Биджапуре прошлый раз. Друг уговорил его провести с ним два дня. Он сам и его хворающая жена оказались настоящими воплощениями любви – столько чуткости и внимания они проявили к Рамдасу. Шанкарлал сразу заметил, в каком состоянии ноги Рамдаса. Они так сильно распухли, будто на него напала слоновья болезнь. С большим беспокойством он поднял этот вопрос в присутствии своих друзей, и, проникшись сочувствием, они собрали деньги на билет на поезд до Хубли. Рамдас как-то упомянул в разговоре, что собирается в Хубли.

Ага, у вас поехала крыша!

На третий день он отбыл из Биджапура вечерним поездом. После покупки билета на собранные друзьями деньги осталась сдача в восемь анн, и Шанкарлал стал уговаривать Рамдаса забрать ее. Несмотря на его протесты, он засунул горсть монет, вместе с билетом, в карман плаща Рамдаса, который тот тогда носил.

Прошла ночь, наступило утро. Восемь анн позвякивали в его кармане. Он не знал, что делать с ними. До сих пор у него не было привычки носить с собой деньги, ибо он не нуждался в них. Господь неизменно присматривал за ним и не создавал ситуаций, когда у Рамдаса возникала бы нужда в деньгах. На одной из станций в вагон вошел слепой нищий. Рамдас подумал, что выход найден, и вручил бродяге монетку в две анны, оставив остальное для нищих, которые могли войти на других остановках. Но станция следовала за станцией и других «кандидатов» не появлялось.

Около десяти утра поезд въехал на вокзал Хубли. Рамдас вышел из вагона и зашагал по дороге. Что делать с деньгами? Вопрос не давал ему покоя ни на минуту. Рам приказывал ему сначала пойти домой к Убхайакару, а ближе к вечеру – в Матх Шри Сиддхарудхи. Он уже приблизился к воротам дома Убхайакара, но нет, он не мог войти внутрь с деньгами в кармане. Ему хотелось избавиться от них, но вот как? Он

повернул назад и пошел обратно к станции. На полпути он остановился на дороге. «Ну что же делать с деньгами?» Поблизости не было видно ни одного нищего. У него промелькнула мысль просто бросить мелочь в придорожную канаву, но тоже нет, Рам наущал его передать кому-нибудь деньги. Где этот «кто-нибудь?» О Господи, что за незадача!

Читателю эта проблема может показаться до смешного пустячной, но для Рамдаса это был важный и решающий вопрос. Он снова повернул к дому Убхайакара. Приближаясь к воротам, он заметил дворника, выходящего из двора муниципальной конторы. «Вот он, Рам, выручай», – пробормотал Рамдас и отдал ему оставшуюся мелочь. На сердце, похоже, стало легче. Теперь он мог войти в дом Убхайакара.

Суббарао Убхайакар, святая душа, радушно встретил его. Все члены его семьи изливали на него свою доброту. Старый святой показал Рамдасу храм Кришны, возведенный его усилиями и по его инициативе. Образ Кришны – статуя из чистейшего, белого как снег мрамора – прекрасное и пленительное произведение искусства.

По возвращении домой святой поинтересовался, куда теперь собирается держать путь Рамдас.

– В Бангалор, – ответил тот.

– Как раз послезавтра женщины из нашей семьи едут в Бангалор, вы можете присоединиться к ним, – предложил он, и Рамдас согласился.

После полудня он посетил знаменитый Матх Свами Шри

Сиддхарудхи. Он уже бывал тут однажды. Шри Сиддхарудха был одной из тех великих личностей, чьи святые стопы притягивали тысячи людей. Рамарао, сын Шиварао Чандрагири, недавно принявший *санньясу* – благородный сын достойных родителей, – с любовью принял на себя все заботы о Рамдасе.

Рамдас оставался в Матхе два дня. Ночами он устраивался на веранде храма *самадхи*⁶. На второй день, вскоре после наступления темноты, к нему подошел обитатель ашрама.

– Могу ли я предложить вам какую-нибудь еду? – осведомился он.

Но Рамдас был не в том настроении – он вообще покинул пределы двойственного мира.

– Кому ты задаешь вопрос? – сделал он ответный ход.

– Вам, разумеется, – уточнил гость, указывая пальцем на Рамдаса.

– Можно ли говорить о «тебе» и «мне», если все едино? – гнул свое Рамдас. – Разве все видимое не подобно змее в веревке, сыну бесплодной женщины, рогатому зайцу, цветку в небе...

– Ага, у вас поехала крыша!⁷ – перебил друг и, показав Рамдасу спину, скрылся из виду.

На следующий день Рамдас вернулся в дом Убхайакара и

⁶ *Самадхи* – гробница, место упокоения. Храмы часто воздвигаются над гробницами святых.

⁷ В оригинале выражение «You are in the upper storey» (букв. «вы на верхнем этаже») – идиома, означающая «снесло чердак», «поехала крыша» и т. д.

дневным поездом уехал из Хубли в компании его родственников. Эти матушки нежно заботились о нем в течение всего пути. Рано утром они прибыли в Бангалор.

Глава 2. Агастьяшрам – Мангалор – Эрнаулам

Десятидневный пост

Добрые матушки вместе с Рамдасом подкатили к своему дому, маленькому изящному особняку. Он пробыл там всего полчаса: Рам требовал, чтобы он побыстрее ускользнул оттуда. Он спешно ретировался, двинувшись в Маллешварам. Им руководила идея навестить Бхаванишанкаррао, встретиться с которым ему довелось в прошлом году в Кундапуре. Рамдас добрался до Маллешварама, района на окраине Бангалора, застроенного новенькими, аккуратными коттеджами. Но какой из них принадлежит Бхаванишанкаррао? Рамдас никогда не был здесь прежде. Рам должен привести его – так Он и сделал.

Он поплутал по лабиринту боковых проулков, пока ноги сами не привели его на улицу, где жил Бхаванишанкаррао. К тому же, не дойдя нескольких ярдов до его дома, Рамдас встретил отца Бхаванишанкаррао, и тот привел его прямо к воротам. Бхаванишанкаррао и прочие обитатели коттеджа встретили Рамдаса с распростертыми объятиями.

Здесь он вновь повидался с Ситабаи, сестрой Бхавани-

шанкаррао, и теперь – вдовой д-ра Уманатрао из Кундапура. Больше года назад Уманатрао покинул смертную оболочку. Глубина веры Ситабаи и ее отрешенности от всего мирского была поистине поразительной. В доме каждый вечер исполнялась духовная музыка, а во второй половине дня проводилось чтение Рам-мантры. Самыми ревностными участниками этих церемоний были Бхаванишанкаррао и его сестра.

Рамдас изменил свой рацион, ограничив его молоком и фруктами. Он провел с этими добрыми благочестивыми людьми четыре дня, а потом уловил явственный призыв из Кириманджешвара, пригорода Кундапура, известного также как Ашрам Агастьямуни.

На пятый день Рамдас выехал из Бангалора вечерним поездом и на следующий вечер прибыл в Казарагод. Здесь он не упустил случая удостоиться *даршана* Гурудэва⁸ и повидался со многими почитателями. Задержавшись в Казарагоде всего на один день, он последовал в Мангалор. Его целью был Кириманджешвар, и он должен был оказаться там как можно быстрее. Он получил «сообщение», что в этом месте ему предстоит длительное голодание. В Мангалоре он ненадолго заглянул к матушке Рукмабаи⁹, а затем двинулся прямо в Удипи и оттуда поспешил в Кундапур. На ночь его поместили в диспансер Рама Бхатджи. Утром он переправился через реку на пароме и оказался в Кириманджешваре.

⁸ Рамдас почитал как Гурудэва своего отца, посвятившего его в Рам-мантру.

⁹ Рукмабаи – жена Рамдаса по «прежней» жизни.

Он сразу же искупался в храмовом водоеме. Выпив немного воды, он до вечера бродил в огромном лесу, в чаще которого обнаружил маленький храм богини. Храм состоял из внутренней святыни – узкого и темного помещения, где была установлена каменная статуя Дэви, чистой передней комнаты с гладким блестящим полом и открытой веранды. Он решил обосноваться в примыкающей к святыне комнате, где было много свежего воздуха. Имущество его состояло из одного дхоти и двух набедренных повязок.

Режим его складывался примерно так: три омовения в пруду – утром, днем и вечером, что совмещалось с питьем воды из того же пруда. Пруд находился примерно в пятидесяти ярдах от храма Дэви. Ночи он проводил в комнате, дни – в лесу. У храмового алтаря вечером зажигался светильник – глиняная плошка с кокосовым маслом. Он горел несколько часов. За этим следила матушка, жившая неподалеку. Обычно она делала это раньше, чем он возвращался из леса в сумерках, так как к его приходу лампада уже горела. Как-то раз матушка припозднилась, и он уже сидел в комнате. Она пришла в храм, как всегда, но, увидев смутные очертания его фигуры в полумраке комнаты, испугалась, взмахнула руками и, громко вскрикнув, в ужасе убежала прочь. После этого она не появлялась ни разу, и светильник больше не зажигался.

Иногда вечерами Рамдас совершал прогулки к океану. Он обнаружил на берегу огромный камень, выдающийся в море, и, взгромоздившись на него, подолгу глядел на огромные

волны, с грохотом бьющиеся о скалы. Под ногами шныряли морские крабы, над головой летали белые чайки, длинная лента песка искрилась на солнце. На исходе дня его ожидало одно из самых впечатляющих зрелищ – закат солнца. Постепенное погружение пылающего диска в глубины синего моря завораживало его взор. Здесь, на берегу, несмотря на оглушительный рокот волн, он ощущал покой, не поддающийся описанию.

Так шли его дни – в молчании, посте и омовениях в пруду. Кто-то из сельчан, прослышав о его голодании, пытался прервать его, уговаривая отведать молока или фруктов. Но он был равнодушен как к дарам, так и к дарителям. Как-то раз во время своих бесцельных блужданий он вышел к рынку, где большинство продавцов были мусульманами.

– Кто этот человек? – спросил прохожий у торговца, указывая на Рамдаса.

– Так, один полудурок, – ответил тот, покрутив пальцем у виска.

Рамдас расслышал это замечание и, подойдя поближе, поправил торговца:

– Нет, брат, «полудурок» – это слабо сказано. Почему не сказать правду – «полный дурачок»?

Лавочник опешил, услышав это неожиданное странное признание. Рамдас пошел своей дорогой.

Следует упомянуть, как голодание влияло на Рамдаса. На третий день он начал чувствовать физическую слабость.

Спустя еще три дня передвижение стало даваться ему с большим трудом. Он не мог дойти до пруда без остановок, и несколько раз ему приходилось присаживаться и отдыхать. Тело, естественно, изрядно исхудало. На восьмой день он мог только ползти к пруду на четвереньках, чтобы окунуться и выпить воды. Остальное время он лежал пластом на спине на гладком полу комнаты, а когда пытался приподняться, ему казалось, что спина приклеена к полу. Он бодрствовал день и ночь. О сне не было и речи. Он не ощущал никакого дискомфорта в теле, кроме сильной физической слабости. В уме, занятом привычной и непрерывной работой – памятованием Бога, царил абсолютный покой. Когда он неподвижно сидел или лежал, сознание тела часто покидало его.

На девятый день к нему в храм Дэви пожаловал местный староста из общины Сарасватов и предложил дары – молоко и бананы. Рамдас дал ему понять, что пока что приказа «на еду» от Бога не поступало и он не имеет понятия, когда закончится пост. При этом он пообещал другу, что когда это произойдет, первая трапеза состоится непременно в его доме. День этот оказался не за горами. Пост длился еще два дня, после чего Рамдас побрел к дому Сарасвата. Идти пришлось больше мили, и несколько раз он подолгу отдыхал по дороге.

Добрый друг, как и его благочестивая жена, почтили за великую честь покормить Рамдаса. После еды Рамдас, испросив позволения у радушного хозяина, уехал в Кундапур на

автобусе, куда его заботливо усадил староста. К вечеру он добрался до Кундапура.

Огнеупорный кирпич!

В Кундапуре Рамдас, как повелось, обосновался на втором этаже диспансера Рама Бхатджи. Друг-доктор проявлял к нему исключительную любовь и чуткость. Питание его состояло поначалу из одного лишь молока. Здесь он встретил Рамчарана, высокообразованного *санньясина* из Северной Индии, который всей душой радел за развитие общественного сознания народных масс. *Санньясин* воспылал необъяснимой любовью к Рамдасу и сильно привязался к его особе.

Пребывание Рамдаса в Кундапуре совпало с разгаром сезона манго, и, естественно, посещавшие его друзья закармливали его спелыми плодами. При этом ему приходилось пить много молока, поступавшего от почитателей в большом количестве. В результате у него расстроился желудок и поднялась температура. Лихорадка взяла над ним полную власть, так как тело и так было ослаблено десятидневным голоданием. Но он не только не чувствовал недомогания, но впал в состояние невыразимого экстаза. Даже когда температура была на пике, он танцевал от радости, бившей через край.

Рам Бхатджи, не на шутку обеспокоенный, предлагал ему лекарства. Но Рамдасу не хотелось насильно выпроваживать лихорадку. Он принял ее как желанную гостью, в чьей компании превосходно проводил время.

– Почему ты считаешь, что ее нужно прогнать? – говорил он. – Пусть она отстанет от Рамдаса по своей доброй воле.

Он так и не притронулся к лекарствам и пылал в жару еще два дня. На вторую ночь он сообщил Раму Бхатджи, что утром хочет покинуть Кундапур.

– Ну уж нет, Рамдас, – решительно запротестовал тот, – я не позволю вам уйти, пока не спадет температура.

Дело в том, что Рамдас только что получил приглашение от Сандживрао из Эрнаулама – с просьбой приехать туда без промедлений. Он так и сяк уговаривал Рама Бхатджи отпустить его, но доктор был непреклонен.

– Ну, хорошо, – пошел на уловку Рамдас, – а если Рам к утру избавит его от лихорадки, ты разрешишь ему уйти?

Рам Бхатджи «клюнул».

– Разумеется, – ответил он не задумываясь и пощупал пульс Рамдаса: температура была на пике. Он оставил его и спустился вниз. Но тревога за Рамдаса заставила его вновь подняться наверх в четыре утра и проведать его. Осмотрев Рамдаса, он обнаружил, что лихорадки нет и в помине. Градусник показал нормальную температуру. Он был рад, но вместе с тем удивлен и озадачен, признав в конце концов, что «пути Его неисповедимы».

– Надо держать слово, Рам, – напомнил Рамдас. – Не позаботишься ли ты о местечке для него на самый первый автобус в Мангалор?

– Хорошо, – отозвался тот сухо.

В восемь утра Рамдас сидел в автобусе в сопровождении *санньясина* Рамчарана. Они проехали Удипи и к вечеру прибыли в Мангалор, где остановились на пару дней у Ситарамрао.

В один из этих дней Рамдаса и Рамчарана пригласили на обед в дом М. Рамрао (тестя Рамдаса по прежней жизни), у которого в то время жила матушка Рукмабаи. Рамчаран не подозревал о бывших семейных узах. Они пришли на обед и были приняты с большой любовью и теплотой как матушкой Рукмабаи, так и ее отцом. Когда они прощались, матушка спросила Рамдаса, когда ей доведется увидеть его в следующий раз, на что получила короткий ответ:

– На то воля Рама.

При этих словах ее глаза наполнились слезами. Рамчаран наблюдал эту сцену, и кто-то из родственников просветил его насчет отношений Рамдаса и матушки в прежней жизни. Рамдас и Рамчаран вышли из дома, и на обратном пути Рамчаран с любопытством взглянул на Рамдаса и, усмехнувшись, заметил:

– Ты не простой *садху*. Ты огнеупорный и затверделый кирпич!

Что скажешь, весьма существенное замечание!

После краткого пребывания в Мангалоре он уехал на поезде в Эрнаулам.

Все делает Бог

На вокзале его встретил Сандживрао, брат Рамдаса по старой жизни. Он поселил его у себя дома в маленькой комнате. Еда его состояла из молока и фруктов. Он задержался в Эрнауламе почти на два месяца.

Здесь он приобщился к книгам, которые Сандживрао брал в городской библиотеке, и сделался ненасытным читателем. Он проглотил больше пятидесяти томов религиозной литературы. В частности, он прочитал увесистые фолианты перевода Упанишад Макса Мюллера¹⁰, Бхашью (Комментарии к Святым писаниям) Шанкарачарьи и т. д. Каждый день, кроме прочих друзей, ему наносили визиты местные сановники и известные юристы.

Среди самых знаменательных событий его пребывания в Эрнауламе стоит отметить кормление бедных. Это случилось следующим образом.

Однажды, когда друзья, как обычно, собрались у него в комнате, он вскользь намекнул, что им неплохо бы «сброситься» и устроить обед для неимущих. Они мгновенно ухватились за эту идею и собрали средства для кормления тысячи человек. Среди вкладчиков следует особо упомянуть

¹⁰ Фридрих Максимилиан Мюллер (1823–1900) – выдающийся немецкий филолог и философ, специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии, один из основателей современного религиоведения.

одну щедрую душу, которая пожелала остаться анонимной. Этот человек внес основную долю в фонд милосердной акции. Он настолько непритязателен и скромнен, что совершает все добрые дела, не разглашая своего имени. Вот кто в полной мере усвоил изречение: «Левая рука не знает, что отдает правая»¹¹.

Церемония была назначена на ближайшее воскресенье. В. Йер – адвокат – взял на себя роль организатора. Стоял муссон, и зарядили проливные дожди. Местом действия был выбран двор секретариата городского суда, где была сооружена походная кухня и расчищено место для раздачи еды. К вечеру субботы все уже было готово, и повара начали варить угощение. «Меню» составили простое – рис, овощной суп и дал¹². Небо было сплошь затянуто темными тучами, и дождь лил как из ведра. Вечером В. Йер заглянул в комнату Рамдаса.

– Свами, никакой надежды на то, что дождь кончится, – пожаловался он. – Если так будет и завтра, кормить людей невозможно.

¹¹ «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Матф. 6:3).

¹² В оригинале – «обычная еда», так как в Индии большая часть населения питается просто: это рис, гороховый суп и овощное карри, или вместо риса – пресные лепешки. В большинстве многочисленных закусочных, которые можно встретить на каждом углу, подают «просто еду». Разнообразие в меню можно встретить лишь в заведениях выше рангом, куда ходят приезжие и люди побогаче. Но в 1930-е гг. преобладающей пищей простого люда была, конечно, «просто еда».

Когда ртов больше тысячи, разумеется, трапезу можно устраивать только под открытым небом.

– Не волнуйся, Рам, – утешил его Рамдас. – Предоставь это дело Богу.

К рассвету еда была готова, но ливень продолжался. Рано утром Йер снова забежал к Рамдасу, и на лице его было написано отчаяние.

– Что нам делать? – воскликнул он.

– Мы ничего не делаем, – напомнил Рамдас. – Всё делает Бог. Всю эту процедуру мы затеяли по Его воле. Теперь Его дело – позаботиться о том, чтобы она прошла успешно.

Начало обеда было назначено на одиннадцать утра. В девять дождь хлестал, как и прежде. Половина десятого, без четверти десять – ничего не менялось. Но тут случилось нечто странное: тучи начали постепенно редеть. Дождь прекратился, и небо просветлело. Через полчаса в безоблачной синеве ярко сияло солнце, будто в разгаре лета. Ровно в одиннадцать началась раздача еды. Рамдаса сопровождали к месту действия как наблюдателя. Зрелище несметных толп во дворе и на дороге заставило его сердце затрепетать от волнения. Обед прошел безупречно, без лишнего шума и толкотни. Всемогуший Бог вкушал еду тысячами ртов.

Один из друзей подсчитывал количество пришедших едоков, и оказалось, что их около трех тысяч. Еды, приготовленной на тысячу, хватило, чтобы накормить втрое больше народу! Многие, наевшись досыта, уносили лишние порции

к себе домой.

Если есть в мире страна, где нищета и голод охватывают огромные массы населения, то это Индия. Спасение от этого бедствия – очищение умов и сердец эксплуататоров, как внутренних, так и внешних, от невежества и эгоизма. По существу положение угнетателя даже тяжелее, чем угнетенного, так как он сеет карму, чреватую суровым воздаянием. Только глубокое осознание равенства, основанное на чистоте восприятия и пробужденном духе жертвенности, может привести в мир гармонию, покой и счастье.

В обеде участвовали все прослойки бедняков и неимущих, включая так называемых неприкасаемых. В три часа раздача еды закончилась: все до единого были накормлены. Когда двор опустел, на землю слетелась огромная стая ворон и склевала все остатки риса. Правду сказать, в природной экономике вороны – лучшие мусорщики. Двор был вычищен самым добросовестным образом. Но самое удивительное, что к четырем часам небо снова заволочло тучами и дождь припустил не на шутку. Рамдас вернулся в свою комнату. Бог блестяще справился с задачей: накормил три тысячи человек обедом, приготовленным на тысячу, и во время раздачи еды остановил дождь на шесть часов.

Рамдасу помнится, что некоторые люди – участники и свидетели акции – приписывали ее успех ему, но он бесцеремонно прерывал их:

– Заслуга в том только Бога. Не превозносите слугу за то,

что сделал хозяин.

Глава 3. Калади – Казарагод – на пароходе

Место рождения Шри Шанкарачарьи

В один из вечеров Рамдас был особенно опьянен экстазом. В тесном кругу друзей, в том числе В. Йера, он самозабвенно вещал о вселенском аспекте Бога. Йер жадно внимал его словам.

– Вся Вселенная насквозь пронизана Богом, – проповедовал Рамдас. – Видимые и невидимые миры – это всё Он, проявленный и не проявленный. Нет никого и ничего, кроме Него. Всё, все – только Он. Такова истина. Тогда какой смысл говорить обо «мне» и о «тебе», о «моем» и «твоем»? Всё – Он, и всё – Его.

Рамдас продолжал в том же духе. Слова лились из него неудержимым потоком. Он увидел, что комнату затопил блаженный свет и сидящие в ней люди стали прозрачными тенями. Несущие мощную силу слова и царящая в комнате атмосфера оказали удивительное воздействие на Йера. Лицо его озарилось нездешним сиянием и глаза заблестели от слез.

– Так значит, у меня нет ни дома, ни родных – куда же мне теперь идти?! – Отчаянный крик души всколыхнул все

его существо и поверг в большое волнение. Он задрожал и покачнулся. Друзья тут же подхватили его, вывели наружу и уложили на скамью. С полчаса он пролежал в забытии трансa, после чего вернулся к внешнему миру и твердым шагом направился к Рамдасу.

– Свами, я ухожу домой, – заявил он.

– Значит, ты вернул назад эго, которое ненадолго потерял, – с улыбкой отметил Рамдас. Тот кивнул и удалился.

Сандживрао и другие друзья предложили Рамдасу съездить вместе с ними в Калади, местечко, где родился великий Шанкарачарья. Это было совсем недалеко от Эрнаулама, в нескольких остановках по железной дороге.

Собралась компания примерно из двенадцати человек – друзей с их семьями. Доехав до деревеньки, они направились в сад на берегу реки Алвайе, где стоят два храма – Шарады¹³ и Махадева. Перед храмами на возвышении лежит побеленная каменная плита, упокоившая прах матери Шанкарачарьи.

Природа, вобравшая всю прелесть, простоту и умиротворенность деревенского пейзажа, пленяла своей красотой. Храм окружали густые рощи манго и хлебных деревьев, среди них вздымались высоко к небу кокосовые пальмы, кивающие в тон ветру своими хохолками. Святое место, скрытое в

¹³ Шарада – ведийская ипостась богини знаний Сарасвати, которой поклонялся Шанкарачарья. Главный храм ее – в Шрингери, где находится первый матх, основанный Шанкарачарьей.

прохладной тени буйной зелени, было окутано дивным очарованием.

Брахман почтенного возраста, местный старожил, поведал гостям древние легенды и истории, связанные с Калади, а также рассказал о посещавших его знаменитых личностях. Ему выпала великая честь служения Свами Вивекананде, который в годы своей бродячей жизни проходил через деревню.

Хорошо известный эпизод из детства Шанкарачарьи, ознаменовавший его вступление в *санньясу*, произошел на берегу реки Алвайе. Шанкаре, тогда еще маленькому мальчику, претила обычная доля мирянина, чреватая будничными заботами и желаниями, и он упрашивал мать благословить его на жизнь, всецело посвященную Богу, но мать не соглашалась.

Однажды, когда мать, как обычно, привела его к реке Алвайе для купания и он по колено зашел в воду, в ногу ему внезапно вцепился крокодил и стал тащить его в глубину.

– Мама, мама! – закричал Шанкара. – Меня схватил крокодил и сейчас утащит на дно. Я тону, и он проглотит меня! Только одно может спасти меня: если ты разрешишь мне принять *санньясу*, крокодил отпустит мою ногу.

Могло ли вынести эту муку нежное сердце матери? Пусть ее сын станет отшельником, лишь бы был живым и вырвался из страшной пасти крокодила!

– Да, да, сынок, я согласна, – дала она единственно воз-

можный ответ.

Крокодил отпустил мальчика и исчез. Тот вышел из воды целым и невредимым. Мать сдержала свое слово, и Шанкара стал одним из величайших философов, которых когда-либо видел мир.

Все паломники, включая Рамдаса, совершили омовение в священной реке и после *даршана* храмовых божеств вернулись в свои комнаты в *дарамшале*, где матушки приготовили обед под аккомпанемент духовных песен. В целом поездка оказалась замечательной. Тем же вечером они вернулись в Эрнаулам.

Во время его пребывания у Сандживрао вся семья – сам хозяин, его жена и дети – относились к Рамдасу с редкостной любовью и добротой.

Неприкасаемость – позорное пятно

Настал день, и внутренний голос позвал Рамдаса в Казарагод. Он известил об этом Анандрао в письме и попросил найти для него пристанище в уединенном месте. Просьба была исполнена, и в Казарагоде его поселили в крытую соломой хижину на холме Пиликунджи.

Он зажил здесь, питаясь молоком и бананами. Его снова навестил раджа-йог, и ночами они вместе танцевали под звуки Рам-мантры. Позже к ним присоединился *санньясин* из Бунтвала. По вечерам с другими друзьями из города он тоже отдавался экстатической пляске под музыку Божьего имени во двореке перед хижинкой.

Рам пожелал, чтобы кормление бедняков состоялось и здесь, в Казарагоде. В этот раз Рамдас сам активно участвовал в сборе средств. Он посетил самых влиятельных людей города, а также принимал небольшие пожертвования от менее обеспеченных граждан. По его просьбе Анандрао занялся организацией. Обед назначили на субботу, местом действия было выбрано поле на холме Рамгири.

Все приготовления были успешно завершены, и к полудню на холме собралось больше тысячи человек, в большинстве – парии, сапожники и рыбаки. Хотя высшие сословия презирали их как «отверженных», даже между собой у них не было согласия! Явившись на обед, они сели в три раз-

ные линии. На тарелки из банановых листьев начали раскладывать еду, и Рамдас решил, что ему тоже нужно присоединиться к трапезе. Раджа-йог и новый *санньясин*, усевшись перед Рамдасом, ели вместе с ним с одной тарелки. Вкушая драгоценное божественное угощение, он испытывал невыразимую радость.

Для Рамдаса не существовало никаких различий. Идея превосходства или неполноценности по какому бы то ни было признаку происходит из вопиющего невежества. Это ложное понятие о неравенстве – причина всех войн, распрей и бедствий. Основа жизни и всех ее проявлений – единый внутренний Дух, и нет ни малейшего повода делить людей по признаку каст, сословий, убеждений и цвета кожи. Самое темное пятно, позорящее чистоту и красоту жизни на земле, – «неприкасаемость». Оно как мазок дегтя на белоснежном холсте. Только осознание единства всей жизни и общей сути всех ее внешних проявлений может привести к свободе, гармонии и миру.

Как-то раз к Рамдасу пришел его Гурудэв. В то время он жил в Казарагоде вместе со своим сыном Анандрао. Здоровый и крепкий от природы, теперь он страдал от старческих немощей и с большим трудом поднялся к хижине Рамдаса на холме. Он принес свежий кокос и сдобный домашний хлеб. Рамдас по-прежнему «сидел» на молоке и фруктах, но Гурудэв стал упрашивать его отведать сдобы. Рамдас отказался, умоляя простить его. Расстроившись, Гурудэв заплакал.

Он вновь и вновь просил Рамдаса принять угощение, но Рамдас уперся и не поддался уговорам. Он только выпил сок свежего кокоса. Посидев немного у Рамдаса, Гурудэв пустился в обратный путь. За этой сценой наблюдали шестеро посетителей, и одного из них сильно взволновало пережитое Гурудэвом разочарование.

– Вы говорите, что это ваш Гурудэв, и все же отказываетесь есть хлеб, предложенный им с такой любовью. – В голосе друга звучали нотки осуждения. – Как вы объясните это?

– Это всё Он – внутри и снаружи, – откликнулся Рамдас с улыбкой. – Голосом извне Он говорит: «Ешь», голосом изнутри Он говорит: «Не ешь». Рамдас всегда подчиняется внутреннему голосу.

– Почему «извне» Он говорит не то, к чему побуждает внут-ренним голосом? – Друг не был удовлетворен объяснением.

– Это Его непостижимая *лила*, – отвечивал Рамдас.

Дальнейших вопросов не последовало.

В один из дней неожиданно появился Рамчарандас – как с неба свалился. Он обзавелся тигровой шкурой отличной выделки и *йога-дандой*¹⁴. Юноша признался, что после странствий по Северной Индии ощутил непреодолимую потребность увидеть Рамдаса – и вот теперь он здесь.

– Свамиджи, один верующий подарил мне эту шкуру в

¹⁴ Йога-данда («посох йога») – традиционный атрибут аскетов, крестообразная деревянная трость с закругленной опорой для рук.

Джанси, и, чтобы преподнести ее вам, я проделал с ней столь долгий путь, – гордо сообщил он. – Пожалуйста, примите ее.

– Но Рамдасу она не нужна, Рам, – возразил Рамдас. – Он обходится лишь той одеждой, что носит. Можешь оставить ее себе.

– Она предназначалась вам, и вы должны взять ее, – настаивал Рамчарандас. – Я буду носить ее для вас. – И он торжественно добавил: – Я последую за вами, куда бы вы ни пошли. На этот раз я не собираюсь покидать вас.

– А зачем тебе этот деревянный крест? – спросил Рамдас.

– Для медитации. Он здорово помогает сидеть прямо во время дхьяны, – объяснил он.

– Ты молодой и здоровый парень, зачем тебе зависеть от каких-то приспособлений? Это ненужная обуза, выброси ее, – посоветовал Рамдас.

Но Рамчарандасу явно не хотелось расставаться с *дандой*, и он произнес хвалебную речь в ее защиту. Впрочем, его желание вновь прилепиться к Рамдасу было не менее горячим.

Как раз в это время пришли две вести: что Гурудэв тяжело заболел и что Рамдаса срочно вызывают в Анджангаум. Мадахврао прислал письмо с просьбой принять участие в девятидневной религиозной церемонии, в ближайшие дни намечавшейся у него дома. Вдогонку письму пришла телеграмма, где говорилось, что присутствие Рамдаса на торжестве жизненно необходимо. Изнутри поступил сигнал ехать в Анджангаум, но он колебался из-за серьезной болезни Гурудэ-

ва. В результате он задал вопрос самому Гурудэву, полагаясь на его решение.

– Как ты можешь оставить Гурудэва в таком состоянии? – прозвучал упрек, и эти слова положили конец его внутренней борьбе: он решил не откликаться на призыв из Анджангаума. В ответ на его сообщение Мадхаврао снова прислал телеграмму, умоляя Рамдаса не подводить его. На этот раз он полностью отдал проблему Раму, успокоился и стал ждать. Ходы Рама непредсказуемы!

На следующий день он пошел навестить Гурудэва и увидел, что тот чувствует себя гораздо лучше – мало того, окреп настолько, что встал с постели и ходит по дому. Рамдас спросил, не возражает ли он против его поездки в провинцию Шолапур. Гурудэв охотно дал свое согласие.

О Господи – как таинственны дела Твои!

Полицейский Гоа покорен

Перед отъездом Рамдас дал понять Рамчарандасу, что сопровождать его не имеет смысла. Но тот был упрям, как всегда.

Вечером Рамдас прибыл в Мангалор – разумеется, Рамчарандас неотступно следовал за ним. Было решено плыть пароходом в Бомбей на следующий день. В Казарагоде друзья позаботились о билете для Рамдаса. Он предложил Рамчарандасу остаться на холме Кадри и посвятить время медитации и общению с Богом. Но Рамчарандас не придавал значения совету. Ближе к ночи он покинул Рамдаса, надеясь добыть деньги себе на билет. Рамдас остановился у Ситарамрао, и его жена, тетушка Рамдаса по «прежней жизни» – добрая, простая и чистая душа, прониклась трудностями Рамчарандаса и настояла, чтобы Рамдас взял у нее двадцать рупий ему на билет: она была уверена, что наутро они встретятся в порту Мангалора и Рамдас сможет отдать ему деньги.

Утром он высматривал Рамчарандаса в гавани, но не нашел его. Он сел на баркас, переправлявший пассажиров через реку, и поднялся на борт морского парохода. Что же бросилось ему в глаза в тот самый миг, как он вышел на палубу? Ясно – наш вездесущий Рамчарандас, скромно притулившись в уголке скамейки со своей знаменитой тигровой шкурой. Рамдас подошел и сел рядом. Йога-данда исчезла.

– Свамиджи, я приплыл предыдущим баркасом, – весело сказал он. Рамдас отдал ему деньги, пожертвованные доброй матушкой.

Пароход отчалил и наутро прибыл в Маргаон, порт провинции Гоа, где стоял около двух часов. В это время на борт поднялись несколько полицейских с целью проверки. Один из них, покидая пароход, бросил случайный взгляд на Рамдаса. Рамдас путешествовал на нижней палубе пассажиров третьего класса. Судя по всему, вид Рамдаса произвел на полицейского сокрушительное впечатление. Он остановился и, свесившись вниз с веревочных перил, пристально уставился на него. Он буквально не мог отвести глаз от Рамдаса, который, в свою очередь, с любопытством наблюдал за ним. Примерно через полчаса он пришел к Рамдасу.

– Идите за мной, вы оба, – сказал он.

Они подчинились. Полицейский привел их к намеченной цели: прямо в индийский ресторанчик в гавани. Он заказал чай и закуски для обоих и уселся на скамью напротив, жадно разглядывая их. Расплатившись за завтрак, он сопровождал их обратно на палубу парохода. Кроме первых нескольких слов, он не произнес ни звука. И всё остальное время – вплоть до той минуты, как раздался пароходный свисток, возвещающий об отплытии, он молча глядел на Рамдаса, стоя за ограждением. Услышав свисток, он вздрогнул, поняв, что пора покидать пароход. Оглядываясь каждую секунду, он наконец спрыгнул на причал. Пароход покинул порт Гоа.

Друзьям в Бомбее заранее сообщили о дате приезда Рамдаса. В Бомбее он очутился в благословенном доме Сандживрао — благословенном оттого, что оба, Сандживрао и его жена — были воплощениями любви. Он просто захлебывался в ее водопаде. Соседи по дому и знакомые горожане приходили к нему и вдохновляли на беседы о величии Бога и Его имени. Вечерами звучали песни во славу Всевышнего. Дни, проведенные у Сандживрао, были наполнены чистейшим экстазом.

Пришло время покидать Бомбей. Вместе с Рамчарандасом они уехали вечерним поездом и после полудня прибыли в Ангар. На станции Рамдаса встретил Говинд Джоши и, не скрывая бурной радости, заключил в объятия. Он принес с собой молоко, и, выпив его, они пешком отправились в Анджангаум, где оказались еще до заката. На подступах к деревне Рамдаса с нетерпением ждали сотни сельчан, и во главе большой процессии он был препровожден к дому Мадхаврао, восторг которого не знал границ.

Глава 4. Анджангаум – Ангар

Откровенный бунтарь

Пребывание Рамдаса в Анджангауме сопровождалось замечательными событиями. Читатель, возможно, помнит, что он уже бывал здесь в предыдущем году и его поклонник – Мадхаврао Кулкарни¹⁵ – принимал его с большой теплотой и радушием. Празднество в его доме было посвящено девяти видам преданности (*нававидха-бхакти*¹⁶). Мадхаврао, представитель высокородной касты брахманов, пригласил на церемонию больше двенадцати брахманов-*пуджари* для проведения священных обрядов. К Рамдасу и Рамчарандасу позднее присоединился Бхаванишанкаррао из Банга-лора.

Рамдас приехал к Мадхаврао всего за два-три дня до окончания праздника, длящегося обычно девять дней, и сразу после его приезда к нему ринулись толпы почитателей. Вышло так, что обитатели дома и горожане теперь проявляли ин-

¹⁵ Кулкарни – родовое имя, сродни титулу, говорящее о принадлежности к одному из высоких сословий брахманов.

¹⁶ *Нававидха-бхакти* – согласно индуистской традиции, преданность Богу включает девять аспектов, или ступеней (от слушания рассказов о Его славе до полного предания себя Богу). Торжество включает проведение жертвенных обрядов, богослужений, песнопений и т. д., для чего приглашаются жрецы-брахманы.

интерес не столько к самой священной церемонии, сколько к нему, бродячему отшельнику, и оказывали Рамдасу высокие почести. Такой поворот событий явно не устраивал брахманов, и они выразили Мадхаврао свое крайнее недовольство. Бедный Мадхаврао оказался меж двух огней! Но несмотря на нападки брахманов, высмеивающих его верность Рамдасу, его любовь и уважение к нему не уменьшились ни на йоту.

Ситуация с каждой минутой становилась все более напряженной, и, как и во всяком сценарии, пришел черед неизбежной последней капли. По просьбе Мадхаврао и других гостей Рамдас начал раздавать *прасад*. Брахманы не желали принимать святое угощение из рук Рамдаса, но все же нашлись такие, кто весьма неохотно взял его. Один из брахманов, однако, пошел на откровенный бунт. Его тоже звали Рамдас, поэтому в рассказе он будет фигурировать как «брахман Рамдас».

– Я не намерен унижаться, принимая *прасад* из его рук, – с вызовом объявил он, вскочив со своего места и указывая пальцем на Рамдаса.

Эта дерзкая выходка оглушила Мадхаврао и его гостей, как внезапно взорвавшаяся бомба. Рамдас лишь улыбнулся и попросил Мадхаврао не обижаться на слова брахмана, так как они никак не задели его. Другие жрецы, сразу признав в брахмане Рамдасе храброго вождя, сплотились вокруг него и подняли объединенное знамя восстания.

Мадхаврао не на шутку перепугался. Над святой церемо-

нией, до сих пор шедшей гладко, нависла страшная угроза. Мадхаврао прекрасно понимал, кто такой Рамдас, но был вынужден принять все меры, чтобы свести к минимуму его общение с брахманами и не давать повода для претензий и недовольства. Прежде за едой Рамдас сидел с брахманами на одной линии, теперь же Мадхаврао так ловко перестроил ряды, что для ревнивых нападков не осталось видимых причин. В результате этих ухищрений церемония завершилась без новых неприятностей, хотя до самого конца ситуация оставалась взрывоопасной. Что до Рамдаса, то он развлекался, наблюдая за ходом игры. История, однако, на этом не закончилась.

Рамдаса пригласили в соседнюю деревню Ангар, и брахман Рамдас отправился туда заранее и предупредил хозяина дома, где собирался остановиться Рамдас, чтобы тот не принимал его. Он внушил ему и другим почитателям, что Рамдас – самозванец, выдающий себя за *садху*, и, судя по всему, просто жалкий пария, не имеющий права находиться рядом с брахманами такого высокого ранга. Надо же, какие прекрасные новости про Рамдаса!

Но друг Бальвантрао из Ангара оказался чужд предрассудкам. Он познакомился с Рамдасом в его прошлый приезд в деревню и питал к нему самые нежные чувства. Он побегал в Анджангаум и забрал Рамдаса в Ангар. За ним последовало около пятидесяти человек, включая Мадхаврао и его домашних. Божественная любовь сделала свое дело в серд-

цах этих простых и бесхитростных сельчан. Пройдя три мили, Рамдас со спутниками достиг Ангара.

Брахман Рамдас тоже был там. Он пришел и сел рядом с Рамдасом, наградив его презрительным взглядом и всем своим видом демонстрируя враждебность и высокомерие. Вокруг Рамдаса быстро собралась внушительная толпа, и брахман, улучив момент, задал Рамдасу вопрос:

– Что такое *панчикарана*¹⁷?

Рамдас ответил, что не слишком образован и его знания о столь высоких материях скудны. Брахман саркастически рассмеялся и, возвысив голос, сообщил собравшимся, что только законченные глупцы могут припадать к стопам притворщика, чье единственное достояние – чудовищное невежество. Этот резкий выпад не вызвал одобрения у слушателей и они смущенно понурили головы. Что до Рамдаса, то он улыбался до ушей, пребывая в покое и безмятежности. Сотни друзей устремились к дому Бальвантрао, осчастливив Рамдаса своим обществом. Их любовь – чудо из чудес. Раздраженный брахман сгорал от ревности.

День близился к концу. На следующий день был намечен большой пир. Брахман открыто отказался участвовать в нем и предложил провести вечером *харикатху*¹⁸. В таких случа-

¹⁷ *Панчикарана* – становление пяти элементов природы, сложное философское учение, объясняющее постепенное развитие пяти элементов из их тонких аспектов и их взаимодействие в процессе развертывания Вселенной из трех гун.

¹⁸ *Харикатха* – выразительное чтение историй и легенд о деяниях Бога, иногда с розыгрышем отдельных сцен и песнопениями.

ях Рамдаса усаживали на почетное место посреди многочисленных зрителей и представление разыгрывали прямо перед ним. Традиция была соблюдена и в этот раз. Брахман Рамдас, неспроста задумавший *харикатху*, выступил с яркой обличительной речью, искусно избегая имен. В блестящих подробностях описав качества самозванных *садху*, он завершил *катху* грозной тирадой:

– Негодяи и жулики расплодились под масками *санньясинов* и *садху*. Остерегайтесь их! Только тупоголовые люди бегают за ними, носят их на руках и в конце концов падают жертвами их уловок и махинаций.

Свежая купель оскорблений лишь взбодрила Рамдаса и не нарушила его невозмутимости. Так пожелал Бог, и он с готовностью покорился.

Удивительное преображение

Через два дня его снова позвали на обед в дом благочестивого купца. Обычно он только пил молоко и ел совсем немного раз в два-три дня, когда его приглашали вместе с почитателями. Торговец пригласил и брахмана Рамдаса, но к назначенному часу тот не явился. Время шло, и все гости ждали его прихода. Торговец пошел искать его и наконец нашел, но тот согласился прийти только после долгих уговоров. Его лицо почернело и осунулось, вокруг запавших глаз залегли темные круги. Было ясно, что зависть быстро пожирает его. Рамдас искренне обрадовался, увидев его, и попросил купца подать ему обед в первую очередь.

– Нет, не надо! – крикнул брахман. – Я соблюдаю пост и сегодня ничего не ем.

Рамдас взмолился, чтобы тот отведал хотя бы несколько сладостей. Брахман немного поколебался и, к великому удовольствию Рамдаса, согласился попробовать сладкое. Ему тут же поднесли на тарелке шарики ладду. Рамдас попросил гостей не приступать к еде до того, как начнет есть брахман. Тот съел три или четыре ладду! Слава Тебе, Господи, Твоя любовь наконец-то победила!

Все заметили, что брахману не по себе. Его потрясло до глубины души, что взамен на грубость и ненависть ему предлагают любовь и доброту, и он внезапно удалился, не сказав

ни слова.

На четыре часа была назначена *харикатха* в доме одного из почитателей. Для ее проведения пригласили старого *харидаса*¹⁹, жителя Ангара. Рамдас, конечно же, пошел на чтения вместе с Рамчарандасом и Бхаванишанкаррао. Надо отметить, что теперь эти двое после пяти вечера покидали деревню и удалялись на близлежащие холмы, где проводили ночи вдвоем в медитации и повторении Рам-нама. *Киртан* еще не закончился, когда их час пробил и они скрылись на холмах.

Вслед за этим случилось загадочное событие. Нескольким почитателям из Анджангаума не удалось увидеть Рамдаса на этот раз, так как они были в отъезде, но они встречались с ним в прошлом году и теперь спешили в Ангар в надежде на общение. Их путь лежал мимо холма, облюбованного Рамчарандасом и Бхаванишанкаррао. Как ни странно, поравнявшись с холмом, они увидели три фигуры, сидящие рядом: посередине – Рамдаса и по обе стороны от него – двух *садху*. Это зрелище их не удивило – они решили, что Рамдас отправился на вечернюю прогулку с двумя друзьями. Им не хотелось тревожить их, поскольку все трое были явно погружены в медитацию, и они пошли дальше в Ангар, уверенные, что Рамдас вернется до темноты.

Войдя в деревню, друзья слышали звон цимбал с *киртана* и по звуку без труда обнаружили сборище. Но каково бы-

¹⁹ *Харидас* – «Божий слуга», бхакта Хари (Кришны).

ло их изумление, когда их взору предстал сидящий на *киртане* Рамдас, которого они только что ясно видели на склоне холма! Он был одновременно в двух местах – на холме и на *киртане*! Это настолько ошеломило их, что они рассказали о пережитом опыте брахману Рамдасу. Он тоже присутствовал на *киртане* в роли слушателя. Чудесный эпизод оказал немалое воздействие на брахмана.

Около восьми вечера они встретились с Рамдасом, когда пришли пить свое молоко. Его отношение к Рамдасу к тому времени в корне изменилось. Он упал ему в ноги и горько зарыдал в приступе жестокого самобичевания. Осыпая себя бранью, он униженно молил о прощении. Рамдас спросил, что стряслось, и только теперь, из его уст, узнал историю о «раздвоении личности». Рамдас слушал, и волосы у него на теле стали дыбом, в глазах закипели слезы, и он задрожал от охватившего его экстаза. Он мог только еле слышно пробормотать: «Это волшебство Рама. Таинственные дела Его». С этого дня и до самого отъезда Рамдаса брахман с радостью участвовал во всех торжествах и почти не отходил от Рамдаса. Ни от кого не укрылось, с какой любовью, добротой и чуткостью он относился к нему. Какое удивительное преображение! Очевидно, что нет силы могущественнее, чем божественная любовь.

Глава 5. Упалаи – Пандарпур – в поезде

Изгнание демона

Из Ангара Рамдас вместе с Рамчарандасом, Бхаванишанкаррао и многими другими двинулся в Упалаи, где его поселили, как и прежде, в доме Говинда Джоши. Здесь он три дня соблюдал пост и пил только воду. К нему стекались несметные толпы гостей. Жену Говинда Джоши очень расстроило его голодание. Ее материнское сердце болело за него. Несколько раз она пыталась уговорить его выпить хотя бы молока, но он не поддавался. Из своей бесконечной любви к Рамдасу Джоши подарил ему красную шерстяную шаль и шапочку из той же ткани. Стояла зима, и погода была холодной. Красная шаль перешла во владение Рамчарандаса.

Через три дня жители городка устроили пиршество в храме Витхобы. На обед приглашались люди всех сословий. Утром к Рамдасу пришел молодой человек по имени Марути, известный своим знанием Гиты и ее изысканным глубоким толкованием, и попросил Рамдаса посетить его дом. Рамдас согласился и отправился к Марути в сопровождении пятидесяти почитателей. Когда все разместились на откры-

той веранде, из дома вывели женщину и усадили ее на дворе прямо перед ним.

– Эта женщина одержима демоном, – сказал Марути. – Прошу, сжался над ней.

Рамдас пригляделся к ней. Длинные пряди распущенных волос в беспорядке разметались по плечам и рукам, лицо было неестественно красным, выпученные глаза дико вращались. Когда их взгляды встретились, она пронзительно завизжала и стала рвать на себе волосы. Рамдас попросил, чтобы все хором начали воспевать имя Бога. Воздух зазвенел, наполнившись мощным звучанием мантры. От этих звуков женщина пришла в неистовую ярость и вскочила на ноги. Из ее горла рвались душераздирающие вопли. Через четверть часа пение прекратилось, и она села на землю. Марути украсил Рамдаса цветочной гирляндой. Сняв ее, Рамдас спустился с веранды к женщине и, по наущению Рама, бросил гирлянду ей на шею, после чего, попрощавшись с Марути, вернулся в дом Говинда Джоши.

Вечером, когда пир закончился, Джанардан Пант, с которым Рамдас встретился в Ангаре, проводил *харикатху* перед храмом, собрав большую толпу слушателей. В разгар чтения Рамдас заметил, как какой-то старик пробирается через ряды, неся на руках ту самую женщину, якобы одержимую демоном. Он уселся вместе с ней на ступеньках храма позади Рамдаса. *Харикатха* длилась два часа, после чего Рамдас удалился в свою маленькую комнату в доме Джоши. Вскоре

туда пришли старик с женщиной. Она поклонилась Рамдасу и села рядом с ним. В ее внешности произошли разительные изменения. Лицо дышало покоем, во взгляде опущенных глаз сквозила кротость. Губы шевелились не переставая, производя какой-то невнятный звук. Рамдас прислушался и разобрал тихие слова: «Рам, Рам, Ситарам» – святыя имена, хором воспевавшиеся утром в доме Марути.

– Махарадж, – заговорил приведший ее старый родственник, – она убежала из дому вскоре после вашего ухода и помчалась так быстро, что мы еле поймали ее. Это была знатная пробежка, не меньше двух миль! Потом она устала и выдохлась, и когда мы наконец изловили ее, она громко закричала: «Нет, я не вернусь туда! Я не могу выносить присутствие этого святоши. Я ухожу». Я спросил: «Ты и вправду уходишь навсегда? Поклянись!» «Махадев, Хануман, Рама – мои свидетели. Я ухожу, я уже ушел!» Выкрикнув это, она упала без чувств, и мы на руках принесли ее домой. Теперь она снова стала собой, но все еще очень слаба.

Для Рамдаса демоны – это пагубные страсти, бушующие у человека в груди. Это они завладевают людьми и верховодят ими. Единственный способ изгнать их – пробудить истину внутри и озарить ум и сердце ее чистым лучезарным светом. Как тает темнота при появлении света, так в присутствии чистого божественного духа, смягчающего сердце радостью и любовью, исчезают все демоны, населяющие ум.

Близился Экадаши месяца *картик*²⁰, ежегодный праздник, пышно отмечаемый в храме Пандарпура. Многие почитатели собирались туда, чтобы вновь встретиться там с Рамдасом. Поэтому Рамдас покинул Упалаи вместе с Джанарданом Пантом и многими другими. По пути они остановились на ночь в Шетпале. Вечером местные жители собрались на *бхаджан* и *киртан*. Рамдасу довелось снова увидеть и обнять лавочника, насильно накормившего его во время его прошлого визита в Шетпал.

²⁰ Экадаши («одиннадцать») – одиннадцатый день после полнолуния и новолуния каждого лунного месяца в индуистском календаре. Считается особо благоприятным для аскезы и духовной практики; *картик* – название восьмого месяца индуистского календаря (23 октября – 21 ноября). Экадаши светлой половины карттика – святой праздник, посвященный Кришне.

Бог – это Любовь в нашем сердце

В Пандарпур они прибыли накануне Экадаши. Рамдас предпочел расположиться на ночь на берегу реки Чандрабхаги, и всей компанией они устроились на песке, в нескольких ярдах от воды. Ночь была холодной, с реки задувал пронизывающий ветер, и все бодрствовали до утра. В праздничный день к нему потянулась чередой посетителей – друзей, с которыми он встречался в деревнях. Приходили и «новички», среди них – друг из Раджпура по имени Прем Сингх. Он был очарован Рамдасом и крепко привязался к нему. Весь день Рамдас соблюдал пост, только выпил немного молока.

Постепенно берег заполнялся паломниками. По случаю праздника по обе стороны реки скопилось не меньше *лакха* (ста тысяч) людей. Они держались группами, и некоторые разбивали шатры на песке. К вечеру сотни огней, зажженных у шатров, мерцали в темноте. Из тысяч глоток вырывалось имя Витталы, божества храма Пандарпура, у многих навесов затевались песнопения и пляски. Здесь и там тесные толпы людей рассаживались вокруг святых и внимали их проповедям о силе *бхакти*, читавшимся нараспев под звуки музыки.

Рамдас подсел к одной из групп *харикатхи* и с полчаса слушал беседу Дады Махараджа, святого из Сатары, известного во всей Махараштре. Из всего, что он услышал, одна фраза потрясла его как неоспоримая истина: «Не так важно

любить Бога, как осознать Его в своем сердце как любовь». Рамдас вернулся на свое место, и тут же к нему подошел один из почитателей.

– Махарадж, – обратился он к Рамдасу, – днем к воротам храма Витхобы было не пробиться из-за огромных масс народу. Но сейчас, в полночь, доступ в святая святых открыт, и если вы хотите, я могу проводить вас на *даршан* Витхобы.

– Рам, – откликнулся Рамдас, – Рамдас и так видит перед собой Витхобу в тысячах обликах. Посмотри – вот Он сидит, стоит, расхаживает, танцует, поет во всех этих бесчисленных человеческих формах. Неужели ты думаешь, что Витхоба сидит только в каменной статуе храма? Пойми, что храм Витхобы – в твоём сердце и в сердцах всех людей и созданий. Поистине, Он во всем, Он – все.

Почитатель понял, что его услуги не требуются. На следующий день Рамдаса и его спутников – около пятидесяти человек – пригласил на обед брахман Дондо Пант из Пандарпура. После обеда Рамдас с шестью почитателями отправился пешком в Мохол. Вожаком отряда был житель Мохола, предложивший им свой гостеприимный кров.

Заслуживает внимания маленький эпизод, касающийся нового увлечения Рамчарандаса. Перед уходом из Пандарпура он подошел к Рамдасу и протянул ему четки из светлых бусин тулси.

– Свамиджи, я решил занять четки, чтобы с этого дня вести счет *джане*. Пожалуйста, переберите несколько бусин

и верните их мне, – попросил он.

– Рам, тебе не требуется *джана-мала*, – возразил Рамдас. – Предполагается, что ты будешь читать божественную мантру повсюду без перерыва.

– Нет, Свамиджи, я чувствую, что мне нужна *мала*, – гнул свое Рамчарандас.

– Ну ладно, воля Рама, – сказал Рамдас. Когда он начал перебирать четки, они с треском порвались и рассыпались.

– Ну вот видишь, Рамчарандас, Свамиджи сказал, что тебе не нужна *мала*, и она порвалась! – воскликнул кто-то из сидящих рядом друзей.

– Подумаешь, – отмахнулся Рамчарандас, ничуть не смутившись. – Я куплю другую, покрепче. – Он убежал и вернулся с новыми четками из черных блестящих бусин.

– Вот, Свамиджи. Подержите их в руках несколько минут и отдайте мне. – Так и было сделано, и на этот раз четки вернулись к Рамчарандасу в целости и сохранности.

С этой минуты Рамчарандас не выпускал *малу* из рук и с показным усердием перебирал в пальцах бусины. На пути в Мохол он то и дело сообщал Рамдасу об успехах.

– Свамиджи, сегодня я прочитал мантру пять тысяч раз! – гордо сообщил он вечером.

– Рам, – рассмеялся Рамдас, – по мере умножения твоих заслуг в *джане* твое эго, кажется, растет еще быстрее, хотя цель *джаны* – уменьшить его. Ты удивительный Рам!

Высшая цель жизни

На следующий день Рамдас участвовал в вечерней *хари-катхе* в доме Джанардана Панта. На третий день его пребывания в Мохоле Бабуджи устроил званый обед для почитателей из Ангара, Анджангаума и Упалаи. Тем же вечером Рамдас уехал на поезде из Мохолы в Бангалор вместе с Рамчарандасом и Бхаванишанкаррао. На вокзале Рамчарандас, несмотря на протесты Рамдаса, принял в дар от Джанардана Панта восемь рупий. Несколько друзей, среди них Джанардан Пант и Прем Сингх, доехали с ними до Шолапура, где предстояла пересадка на почтовый поезд до Бомбея. Но поезд был переполнен, и вагоны третьего класса набиты до отказа. Они метались от двери к двери, но их бесцеремонно отталкивали. Двое полицейских прониклись к ним сочувствием и бросились на выручку. Они рывком открыли дверь и потребовали, чтобы всем троим освободили сидячие места. Полицейские отличались обходительностью и добродушием. С чего бы это? Потому что Бог – во всех.

Поезд только-только отъехал от платформы, как толстый иранец, занимавший верхнюю полку, спрыгнул вниз и предложил Рамдасу взобраться на его место. Для пущего удобства на полке было расстелено толстое стеганое одеяло. Рамдас вежливо отказался от великодушного предложения, сказав, что предпочитает остаться на своем месте.

– Не позволите ли посидеть с вами несколько минут? – спросил иранец.

– Конечно, садись, – ответил Рамдас и подвинулся. Тот втиснулся между Рамдасом и Рамчарандасом.

– Дайте совет, – взялся он за Рамдаса, – как избавиться ум от иллюзий и познать Бога? Как вызволить его из всей этой мирской суматохи, в которой он застрял? Я безнадежно погряз в привязанности к жене, дому, деньгам и имуществу.

– Ты уже поставил правильный диагноз своей болезни, – ответил Рамдас, – и ясно представляешь, как лечить ее. Прежде всего пойми, что Бог, которого ты ищешь, – у тебя внутри. Он жизнь и душа вселенной, и достичь Его – высшая цель жизни. Ты считаешь, что далек от этой единой сути, – отсюда всё зло и все беды. Стену, отделяющую тебя от Него, воздвигло твое эго. Твоя жажда познать Его – то есть увидеть, что твоя жизнь едина с жизнью вселенной, – должна стать сильной и острой. Тогда ты сможешь отдать Ему свое ложное «я», постоянно отождествляя себя с Ним. Для этого нужно медитировать, молиться и посвящать Ему все действия, не думая об их плодах. Это путь преданности, знания и самоотдачи. С каждым новым шагом твоя привязанность к миражам жизни будет ослабевать и ум освободится от иллюзий. Постепенно твое сердце наполнится божественной любовью, восприятие очистится и ты будешь видеть мир в едином свете. Твои действия станут естественным истечением твоего бессмертного существа, одаривая тебя истинной

радостью и покоем. Это венец человеческих устремлений и осуществление цели жизни.

– Надо же, как ясно и выразительно вы преподносите истину! – обрадовался иранец. – Так хотелось бы побыть с вами подольше. Прошу вас, поедем ко мне в Секундерабад хотя бы на один день. Мои домашние будут так счастливы познакомиться с вами!

Рамдас не мог принять приглашения, так как следующий пункт назначения, Бангалор, уже был определен.

Глава 6. Бангалор – Бомбей

Садху-чародей

В Бомбее они на один день остановились в доме Бхаванишанкеррао в Маллешвараме. Рамдас попросил его найти для него какое-нибудь отдельное жилище, и ему был предоставлен пустой дом неподалеку, рядом с полотном железной дороги. В ближайшей округе о нем ходила слава как о «доме с привидениями».

Рамдас переселился на новое место вместе с Рамчарандасом. На унылом пустыре лепились друг к другу несколько заброшенных уродливых строений. Они выбрали самую просторную комнату в одном из них и расположились в ней.

Бхаванишанкеррао снабдил Рамдаса циновкой и двумя одеялами. Рамчарандас устроился слева от Рамдаса. Парень никогда не расставался с тигровой шкурой, и, признаться, во время их скитаний по деревням Шолапура она сослужила Рамдасу хорошую службу. Рамчарандас проворно расстилал ее всякий раз, как Рамдас ложился спать или отдыхать. Сейчас он тоже соорудил ложе для Рамдаса, раскинув шкуру поверх одеяла. Сам он красовался в ярко-алой шерстяной шали, в пальцах мелькали блестящие бусины четок. Его бесконечная любовь к Рамдасу проявлялась в радостном служе-

нии, и он ухаживал за ним как верная заботливая нянька.

Новость о приезде Рамдаса быстро распространилась, и к нему зачастили посетители из Бангалора и пригородов. Днем он ходил обедать и мыться в Маллешварам, в дом Бхаванишанкеррао. Его «банщиком» стал брат Бхаванишанкеррао, Садашиврао, взявший на себя эту роль из великой любви и нежности к Рамдасу. Когда он энергично намыливал Рамдаса, тот со смехом предупреждал:

– Осторожно, Рам, если ты будешь так сильно скоблить этот глиняный горшок (то есть тело), он разлетится на куски.

Как правило, Рамдасу подавали еду прежде других. Однажды хозяйка, варившая обед, забыла посолить гороховое карри. Рамдас проглотил еду, ничего не заметив, и упущение было обнаружено позже, когда за обед села вся семья. Они спросили его, почему он не попросил соли, попробовав безвкусное карри.

– Но он не почувствовал, что в еде чего-то не хватает, – признался Рамдас. – Честно говоря, его ум, различающий вкус, в тот момент отсутствовал.

Среди его гостей были поэт Чаттопадхья со своей одаренной женой Камаладэви. Они приводили с собой многих своих друзей, в том числе юного математика²¹ и его набожную мать. Поэту особенно полюбилось общество Рамдаса, и он просиживал у него часами. Будучи поклонником Сара-

²¹ В оригинале – «старший ранглер», выпускник Кембриджа, занявший первое место на экзаменах по математике.

свати, богини красоты и возвышенных чувств, он был обаятелен и эмоционален и очень нравился Рамдасу.

Как-то вечером в разговоре с Рамчарандасом Рамдас затронул тему привязанности и чувства собственности.

– Привязанность к вещам чревата страхом и тревогой, от нее люди теряют покой. Чувство собственности держит твой ум в напряжении, и он отказывается концентрироваться на абсолютной истине твоего существа. Поэтому отбрось привязанность к предметам, которые имеешь при себе. «Владей вещами, но не позволяй им овладевать тобой». Принимая подарки, считай, что сам Бог дает тебе эти вещи, и в тот момент, когда выпадает случай расстаться с ними, отдавай их с такой же радостью, с какой получал. Пойми, что ты всего лишь возвращаешь их Тому, кто дал их тебе. Относись так к любому приобретению и к любой потере. Господь дает, Господь же и забирает.

На следующий день, ближе к обеду, Рамчарандас сказал:

– Свамиджи, я хочу купить кое-какие религиозные книги на каннада. Можно, я схожу в город?

– Хорошо, Рам, – разрешил Рамдас, – но возвращайся быстрее и смотри, не забредай никуда на ночь.

Рамдас знал, что у Рамчарандаса имелись кое-какие деньги, отданные на хранение матери Бхаванишанкеррао. Маллешварам находился примерно в двух милях от центра города. На обратном пути, уже недалеко от Маллешварама, Рамчарандас повстречался на главной дороге с двумя *садху*.

Они сказали ему, что ничего не ели с утра и будут премного обязаны ему, если он поможет им хотя бы четырьмя аннами. Рамчарандас потратил в городе всё, что взял с собой, но некий запас еще оставался у матери Бхаванишанкеррао, и Рамчарандас пообещал, что поможет им, если они пойдут вместе с ним.

– Но будет лучше, – огласил он условия сделки, – если сначала вы удостоитесь *даршана* махатмы, живущего неподалеку. Я отведу вас к нему, а потом уж точно добуду для вас обещанные деньги.

Садху не возражали, и он привел их у себя на «хвосте». Рамчарандас побежал вперед и объявил, в ликовании потирая руки:

– Свамиджи, я привел на ваш *даршан* двух *садху*!

– Прекрасно, Рам, – ответил Рамдас.

Садху вошли в комнату. Рамдас пригласил их сесть на свою циновку. Судя по их возрасту, один был гуру, другой – чела. Старший был средних лет, темнокожий, упитанный и хорошо сложенный. Он придвинулся к Рамдасу, переместившись на его циновку, а младший уселся на голом полу на почтительном расстоянии. Рамчарандас занял свое законное место.

Теперь Рамдас мог более внимательно рассмотреть детали внешности старшего *садху*. Мужественное лицо смелой и грубой лепки обрамляла короткая густая борода, пышные курчавые волосы, схваченные в хвост, длинными локо-

нами свисали с плеча. Тело было крепким и мускулистым. Он носил короткий, облегающий жакет с рукавами до локтей, с шеи свисал толстый красный шнурок с одной бусиной *рудракиши*. К шнурку была привязана маленькая бутылочка. Запястья были унизаны железными браслетами. Его своеобразный акцент выдавал уроженца Тамил-Наду.

Удивительная лила

Действие первое

– Принеси мне соломинку, – потребовал *садху* без предисловий, поманив пальцем Рамчарандаса. Тот вышел и сорвал соломинку. *Садху* разломил ее на маленькие кусочки и попросил Рамчарандаса открыть рот. Рамчарандас подчинился, и тот бросил ему в рот горсть измельченной травы. Тут случилось невероятное: солома мгновенно превратилась в россыпь сухой гвоздики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.